

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 126–132. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 126–132. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN PRQZQJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

СЦЕНИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИИ «ТАРАСА БУЛЬБЫ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Голодняк Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Аннотация. Статья посвящена драматическим переделкам повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», появившимся во второй половине XIX – начале XX в. В центре внимания автора именно те из них, которые были поставлены на сцене. Цель работы – выяснить, насколько популярными были сценические адаптации этого произведения, какие особенности они имели и чем определялся характер трактовок «Тараса Бульбы». Из многочисленных инсценировок повести, созданных в рассматриваемый период (в основном в последней четверти XIX в.), лишь несколько имели довольно долгую сценическую жизнь. Среди них – драма К.Д. Ефимовича и Н.И. Куликова, первая редакция которой появилась еще при жизни Гоголя, но была запрещена цензурой, и два «драматических представления» А.Я. Алексеева-Яковлева, а также пьесы К.И. Ванченко (Писанецкого) и А.Ф. Шатковского на украинском языке. Театральная судьба большинства других переложений «Тараса Бульбы» неизвестна. В то же время в конце XIX – начале XX в. драматические переделки повести были популярными на российской сцене и входили в репертуар многих трупп, отвечая требованию зрелищности и соответствуя мелодраматическому характеру постановок, ориентированных на широкий круг зрителей. Именно в таком ключе и прочитывался гоголевский «Тарас Бульба» авторами его сценических обработок.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба», сценическая история, драматическая переделка, инсценировка, театр, К.Д. Ефимович, Н.И. Куликов, А.Я. Алексеев.

Для цитирования: Голодняк О.В. Сценические адаптации «Тараса Бульбы» во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 126–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

Research Article

STAGE ADAPTATIONS OF “TARAS BULBA” IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY

Oksana V. Golodniak, PhD in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Abstract. The article is devoted to dramatic adaptations of Nikolai Gogol’s story “Taras Bulba” that appeared in the 2nd half of the 19th to the early 20th century. The author focuses on those that were staged. The purpose of the work is to find out how popular the stage adaptations of this work were, what features they had and what determined the nature of the interpretations of “Taras Bulba”. Of the numerous dramatisations of the story created in the period under review (mainly in the last quarter of the 19th century), only a few had a fairly long stage life. These include the drama by K.D. Efimovich and N.I. Kulikov, the first version of which appeared during Gogol’s lifetime, but was banned by the censor, and two “dramatic performances” by A.Ya. Alekseev-Yakovlev, as well as plays by K.I. Vanchenko (Pisanetsky) and A.F. Shatkovsky in the Ukraine language. The theatrical fate of most other adaptations of “Taras Bulba” is unknown. At the same time, in the late 19th and the early 20th centuries, dramatic adaptations of the story were popular on the Russian stage and numerous troupes included them in the repertoire, as those adaptations proved to be spectacular and corresponding to the melodramatic nature of productions aimed at a wide range of admirers. It was these features that the authors of the stage adaptations of “Taras Bulba” paid attention to.

Keywords: Nikolai Gogol, “Taras Bulba”, stage history, dramatic adaptation, staging, theater, K.D. Efimovich, N.I. Kulikov, A.Ya. Alekseev.

For citation: Golodniak O.V. Stage adaptations of “Taras Bulba” in the 2nd half of the 19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no 4, pp. 126–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-126-132>

История бытования «Тараса Бульбы» на сцене обширна. По замечанию А.А. Гозенпуда, «ни одно другое произведение русской литературы XIX в. не вызвало такого количества сценических обработок и музыкальных откликов» [Гозенпуд: 110]. Не останавливаясь на многочисленных музыкальных замыслах, рассмотрим особенности и театральную судьбу драматических переделок повести, появившихся во второй половине XIX столетия.

Речь будет идти именно о тех переложениях «Тараса Бульбы», которые были поставлены на сцене (точнее, о которых известно, что они исполнялись драматическими труппами). Источником сведений о них стали прежде всего периодические издания того времени: «Пантеон», «Театр и искусство», «Артист», «Всемирная иллюстрация», «Обозрение театров» и др. Кроме того, были учтены воспоминания о представлениях в балаганах и об организации таких спектаклей в театре «Развлечение и польза» А.П. Лейферта [Лейферт; Русские народные гулянья]. Назовем также работы С.С. Данилова [Данилов С.С.] и В.В. Данилова [Данилов В.В.] о драматических переделках произведений Гоголя.

Первая инсценировка «Тараса Бульбы» принадлежит драматургу и театральному критику К.Д. Ефимовичу (1814, 1815 или 1816 – конец октября 1847), выходцу из дворянской семьи Тверской губернии, состоявшему на военной службе. Его пьеса – единственная переделка повести, созданная при жизни Гоголя. В начале 1847 г. она поступила на рассмотрение в драматическую цензуру, однако была запрещена. Цензор М.А. Геденон, отмечая в рапорте, что сюжет, взятый из гоголевского сочинения, «не заключает ничего предосудительного», в то же время сомневался, можно ли ее «допустить для сцены», ибо «общий интерес» в ней был основан «на представлении древней казацкой вольницы и жизни запорожцев» [Данилов С.С.: 444; Виноградов: 261]¹. 16 апреля 1847 г. Л.В. Дубельт надписал на рапорте цензора: «Запрещается» [Данилов С.С.: 444] (см. также примечание 1).

В сентябре 1852 г. Дирекция императорских театров вновь представила в цензурный комитет пьесу Ефимовича, переработанную режиссером русской драматической труппы Александринского театра Н.И. Куликовым (1812–1891), и Дубельт, лично с ней ознакомившись, нашел возможным «пропустить ее с тем, чтобы Тараса Бульбы не жгли на сцене» [Данилов С.С.: 444; Виноградов: 261]. Разрешение к постановке было дано 10 октября 1852 г., после того как цензор А.К. Гедерштерн сообщил о выполнении этого требования².

Куликов уже имел опыт инсценирования гоголевской прозы: 9 сентября 1842 г. в его бенефис на сцене Александринского театра прошла переделка «Коми-

ческие сцены из новой поэмы “Мертвые души”, сочинения Гоголя (автора “Ревизора”), составленные Г***», автором которой был сам бенефициант (см. об этом: [Данилов С.С.: 432–439]). Несмотря на отрицательные отклики критики, спектакль выдержал восемь представлений [Данилов С.С.: 438]. Готовя пьесу Ефимовича к постановке, Куликов внес в нее незначительную стилистическую правку и существенно сократил ряд сцен, связанных с изображением «казацкой вольницы». В частности, он исключил рассказы о подвигах Остапа и других казаков во время осады Дубно, о гибели атамана Уманского и избрании старшего сына Бульбы куренным атаманом, а также сцену казацкой рады. Возможно, в том числе поэтому в 1852 г. цензура пропустила текст переделки. Что же касается финала, то в редакции Ефимовича драма завершалась ремаркой: «Огонь обхватывает все дерево»³. Судя по цензурным материалам, эту ремарку первоначально сохранил и Куликов, но потом был вынужден от нее отказаться.

1 декабря 1852 г. драму Куликова и Ефимовича впервые сыграли в Александринском театре в бенефис Е.Я. Сосницкой [Данилов С.С.: 444; История: 400]. Роль Тараса исполнил один из крупнейших трагиков этого времени В.А. Каратыгин [История: 65]. Спектакль повторили еще пять раз в декабре – 3, 4, 5, 17, 29 декабря, а затем 17 февраля 1853 г. [История: 400]. В Москве инсценировку показали 21 и 23 января 1853 г. в Большом театре [История: 400]; в главной роли выступил М.С. Щепкин [История: 65; Гриц: 489, 781]. Возможно, ее ставили и позднее. В театральном отделе Одесской публичной библиотеки в начале XX в., согласно указанию В.В. Данилова, хранилась рукопись с текстом «переделки Куликова и Ефимова», содержащая помету цензора: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 19 июля 1859 г. За цензора помощник его Кейзер фон Нилькейм» [Данилов В.В.: 334]. На одном из списков этой пьесы, имеющихся в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке, также есть разрешительная надпись цензора («К представлению дозволяется с исключениями (см. протокол)») и штамп с датой «24 ноя<бря> 1874»⁴. Таким образом, у драмы Куликова и Ефимовича была, очевидно, довольно долгая сценическая жизнь.

Рецензент «Отечественных записок» невысоко оценил переделку, показанную на Александринской сцене [Петербургские заметки: 57–58]. По его мнению, «эти три действия были не более как три бледные копии, нарисованные карандашом ученика с поэтических картин, написанных яркими красками кисти великого художника» [Петербургские заметки: 58]. И хотя в представлении «участвовали лучшие артисты», публика холодно приняла спектакль: «Только минута встречи отца с сыном, после измены послед-

него, чрезвычайно хорошо переданная г. Каратыгиным 1-м, занимавшим роль Тараса Бульбы, вызвала единодушные рукоплескания...» [Петербургские заметки: 58]. В январской книжке журнала «Пантеон» за 1853 г. постановка была упомянута дважды – в обзорах «Русский театр в Петербурге» и «Французский театр в Петербурге», по-видимому принадлежащих перу самого издателя – Ф.А. Кони [Русский театр: 2; Французский театр: 23]. В первом из них критик обратил внимание на несоответствие пьесы гоголевскому тексту и отсутствие в ней цельности, на произвольность выбора составляющих ее сцен: «Видели мы в этот бенефис драму в трех действиях, под громким названием “Тарас Бульба”, но не узнали в ней ни Гоголевой повести, ни героя ее. Переделыватель выхватил из повести, наудачу, несколько эпизодов, кое-как связал их, да и пустил на сцену...» [Русский театр: 2]. Во втором обзоре рецензент замечал: «...из прекрасной повести вышла такая непрекрасная пьеса, что нам стало жаль и Гоголя, и переделывателя пьесы» [Французский театр: 23]. Бенефис, в который ее показали, оказался, по словам автора обзора, не совсем удачен, однако «его повторяли целиком несколько раз сряду, потому только, что всякому русскому человеку хотелось узнать, что вышло из Тараса Бульбы на Александрынской сцене» [Французский театр: 23].

Между тем С.С. Данилов подчеркивает, что отдельные эпизоды переделки соединены в целое «далеко не случайно»: она представляет собой «типическую мелодраму», напоминающую к тому же «романтико-националистические пьесы Кукольника и Полевого» [Данилов С.С.: 447, 448]. О том, что сочинение Куликова и Ефимовича «целиком носит грубо мелодраматический пошиб», писал и В.В. Данилов, приводя в качестве примеров несколько фрагментов из него, в частности финал [Данилов В.В.: 334–335]. В финале польская панна Юзефа узнает о смерти Андрия и о том, что его отца собираются сжечь. Она просит польских офицеров освободить Тараса, однако получает отказ. Увидев ружье, Юзефа незаметно для окружающих стреляет в отца своего возлюбленного, чтобы спасти его от мучительной смерти на костре, а затем умирает сама. В редакции Ефимовича финал пьесы был еще более мелодраматическим: панночка погибла от руки собственного отца – воеводы, который выстрелил в нее, думая, что это запорожец⁵.

Число сценических обработок украинских повестей Гоголя, созданных в ближайшие годы после его смерти, по утверждению С.С. Данилова, было невелико [Данилов С.С.: 451]. Ученый объяснял это «общим падением интереса к театральным инсценировкам в эпоху так называемых “либеральных реформ”» [Данилов С.С.: 451]. Но уже в конце 1870-х – начале 1880-х гг. появляются новые переделки «Тара-

са Бульбы»: в 1878 г. – историческая быль в восьми картинах Г. Зеленой, не одобренная театрално-литературным комитетом, и историческая быль в восьми картинах, «переделанная из повести Гоголя К.А. 3-м и С.И. П-м», дозволенная цензурой «с исключениями»; в 1883 г. – большое драматическое представление в семи картинах «Запорожцы, или Тарас Бульба»⁶ (первоначальное название: «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке») А.Я. Алексеева (Алексеева-Яковлева) [Данилов С.С.: 469–470].

Рукопись последнего хранится в театральной библиотеке в Петербурге⁷. На ее титульном листе есть три разрешения «к представлению» пьесы, датированные 23 марта 1883 г., 15 ноября 1885 г. (разрешено с заглавием «Запорожцы, или Тарас Бульба») и 8 апреля 1888 г. Следовательно, как минимум в эти годы «драматическое представление» Алексеева разыгрывалось на сцене.

Действительно, в 1883 г. на пасхальной неделе инсценировка «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке» шла на Марсовом поле в балагане А.П. Лейферта «Развлечение и польза» [Лейферт: 52], созданном по инициативе А.Я. Алексеева и при его художественном руководстве в 1880 г. и просуществовавшем до 1897 г. [Уварова: 82]. Двойное название спектакля было типичным для балаганных театров. «В большинстве случаев пьесам давалось два названия, как бы для разъяснения недоумевающим», – писал сын владельца «Развлечения и пользы» А.В. Лейферт [Лейферт: 49]. Балаган Лейферта и Алексеева, по замечанию Ю.А. Дмитриева, отличался от остальных увеселительных заведений такого рода – как своим внешним видом, так и репертуаром: здесь ставили произведения Крылова, Пушкина, Гоголя, Островского, Некрасова [Дмитриев: 252]. В инсценировках Алексеев «тонко, как художник, и последовательно, как педагог», стремился «сочетать “балаганные потехи” с задачами народного просвещения»; он выступал как сценарист, режиссер-постановщик, художник-декоратор – «по костюмам и апофеозам» [Русские народные гулянья: 16]. Зритель балагана, рассказывает А.В. Лейферт, нуждался в том, чтобы представление было «чудно, приятно, ярко и нескучно – длинных разговоров он мог не расслышать, а то и не понять», а потому преобладала установка на зрелищность: сюжет передавался преимущественно действием, актер должен был «поменьше произносить слов», а «массовые сцены, хоры, танцы, различные эффекты и вообще обстановка играла первенствующее значение» [Лейферт: 38]. И переделка Алексеева в общем-то этому соответствовала. Труппа составлялась из любителей и актеров-профессионалов [Лейферт: 38]. В «Тарасе Бульбе» главную роль исполнял именно любитель – некий Богданов, «старый питерский наборщик, хо-

рошо справлявшийся с сильными характерными драматическими ролями» [Русские народные гулянья: 98] (см. также: [Лейферт: 40–41]). Андрия играл актер стройный, миловидный, умевший «держаться с достоинством на сцене»; панночку – малоизвестная А. Попова, очень подходившая «своей миловидной внешностью и изящной фигурой» [Лейферт: 41]. В роли Янкеля выступал профессиональный актер В.А. Николаев-Соколовский, «один из видных представителей тогдашней эстрады», изображавший своего героя «мягко, трогательно, без малейшего шаржа, без всякого “пересола”» [Русские народные гулянья: 96]. Декорации подготовил И.П. Андреев [Русские народные гулянья: 92].

Алексеев ставил «Тараса Бульбу» и в летние месяцы 1888 г. в театре Зоологического сада в Москве [Уварова: 163]. В журнале «Всемирная иллюстрация» отмечены «превосходно выполненная декоративная и костюмная часть, красиво поставленный балет, толковая игра солистов», «по достоинству» оцененные публикой [Театр и музыка].

18 февраля 1899 г. переделка Алексеева «с большим успехом», как сообщается в театральной хронике, прошла на сцене Михайловского манежа; она была разыграна «при участии лучших сил труппы» [Хроника театра и искусства 1899: 166]. Отдельного упоминания заслужили тщательно поставленные народные сцены, которыми, по словам критика (подписавшего заметку криптонимом «Н.»), «вообще изобилует» инсценировка, и некоторые декорации (Запорожская Сечь, «вид города Дубно, осажденного казаками ночью при лунном освещении», улица в Варшаве) [Хроника театра 1899: 166]. 26 апреля того же года эта «обстановочная пьеса», или «феерия» (по определению другого критика, говорящего о ней как «набившей всем оскомину еще в Михайловском манеже»), была показана в Таврическом саду [Таврический сад].

Возможно, в Михайловском манеже и Таврическом саду разыгрывалась другая инсценировка Алексеева, которая первоначально имела название «Защитники веры и рыцарской чести», не пропущенное цензурой⁸. На титульном листе имеются две разрешительные надписи, одна из которых датируется 13 июля 1890 г., а вторая – 16 августа (?) 1897 г. Жанровое определение этой переделки: «драматическое обстановочное представление в двух действиях из жизни удалого казачества на Руси в XV веке с танцами, битвой, взрывом крепости и разрушением моста над рвом в разгаре кавалерийского боя» – свидетельствует о том, что ее автор делал акцент именно на зрелищности. В целом же эта более поздняя сценическая обработка повести была сокращена по сравнению с первой, что побудило Алексеева внести ряд изменений в сюжетную канву. Так, гонец, сообщав-

ший о «большой беде» – о том, «что делается в гетманщине», появлялся прямо в доме Тараса в день приезда его сыновей, и первое действие завершалось отъездом казаков в Сечь. Во втором же действии панночка вместе с татаркой приходила в стан запорожцев, и ход действия ускорялся: именно здесь происходило объяснение с Андрием, за которым следовали его решение перейти на сторону поляков и наказ Янкелю сказать об этом отцу, брату и всем казакам; была исключена сцена казни Остапа и др. В то же время очевидно, что новая переделка основана на предыдущей: хотя отдельные сцены, диалоги, реплики персонажей сокращены (а некоторые исключены вовсе или заменены другими), текст во многих случаях совпадает. Кроме того, цензурная правка, имеющаяся в рукописи первой инсценировки⁹, учтена при подготовке новой сценической версии произведения.

Позднее, в 1912 г., А.Я. Алексеев поставил «Тараса Бульбу» (судя по афише, в первой редакции – в семи картинах) на сцене Народного дома императора Николая II. Первое представление состоялось 28 ноября 1912 г.¹⁰ Критик писал, что, хотя автор драматической обработки гоголевской повести неизвестен, его следует похвалить «за то уж, что он не искал Гоголя, не ввел никаких “отсебятин”, а посмотрел на свой труд именно как на иллюстрацию к Гоголю, как на эффектное зрелище с благородным сюжетом» [Тамарин: 960]. Между тем автором был, как мы знаем, сам Алексеев. Особенно получились у режиссера, как полагал критик, сцены приезда Тараса Бульбы с сыновьями в Сечь, казацкой рады, сражения с поляками и казни Тараса [Тамарин: 960]. Из исполнителей он выделил актеров В.Ф. Ромашкова, сумевшего создать колоритный образ старшего Бульбы, Глебова-Котельникова (наст. имя – Г.Е. Котельников), оживившего «бледную в переделке» роль Остапа, А.В. Шабельского, «превосходно, без шаржа» сыгравшего Янкеля, а также А.В. Чарского, который был «очень красивым Андреем» [Тамарин: 960–961]. Остальные же роли, по его мнению, оказались «бесцветны» [Тамарин: 961]. «Тарас Бульба» оставался в репертуаре Народного дома в течение нескольких лет¹¹.

В 1890-е гг. появилось немало новых драматических обработок повести. Среди них, например, трагедия в четырех действиях, девяти картинах В.А. Лезина (1892)¹², трагедия в пяти действиях, восьми картинах Н. Кондаковой (1894), драмы в четырех действиях Н.И. Гишебского (1895) и П.П. Райского-Ступницкого (не пропущена цензурой в 1896 г.), его же драматическая картина в четырех действиях «Поход запорожцев и Тарас Бульба» (1897), драма в четырех действиях на украинском языке «Тарас Бульба под Дубном» К.И. Ванченко (Писанецкого) (1890), драма в семи действиях, восьми картинах на укра-

инском языке М.И. Старицкого (1898), драма в четырех действиях, пяти картинах «с пением и танцами» А.Ф. Шатковского (1897) [Данилов С.С.: 470]. Однако сценическая история многих из этих переделок неизвестна.

Отметим лишь, что инсценировки повести, по-видимому, часто исполнялись разными труппами, при этом в большинстве случаев трудно установить, кто был автором драматического переложения гоголевского произведения. Так, в одной из статей «Тарас Бульба», показанный в Орле в сезон 1889/90 г. неким «товариществом московских артистов под управлением режиссера театра М.В. Лентовского, А.А. Черепанова», упоминается в ряду спектаклей, которые привносят «особый специфический провинциальный запах» в репертуар и «о которых не стоит говорить» [Театр в Орле: 164], причем имя автора драмы не указано. По-видимому, этот «провинциальный запах» критик связывал прежде всего с традиционностью (и в этом смысле банальностью) репертуара большинства драматических трупп, а также с характером самих постановок. В том же 1890 г. «Тарас Бульба» назван среди пьес, составлявших осенний репертуар Русского театра в Одессе [Хроника провинциальных театров: 212], в 1891-м переделка повести исполнялась товариществом под управлением и режиссурой П.Н. Максимова на псковской сцене [Псков]. Сценические обработки «Тараса Бульбы» мало отличались друг от друга: и «набор» эпизодов, составлявших их сюжетную канву, и характер осмысления гоголевского произведения, как правило, совпадали. Возможно, этим и объясняется отсутствие имен авторов таких сочинений в критических заметках.

В 1890–1910-е гг. спектакли по «Тарасу Бульбе» неизменно входили и в репертуар многочисленных малороссийских трупп. Чаще всего разыгрывались пьесы К.И. Ванченко (Писанецкого) и А.Ф. Шатковского. Очевидно, такие постановки, ориентированные прежде всего на зрелищность, мало отличались друг от друга. Например, труппа О.З. Суслова в течение одного года показывала зрителям сначала драму Писанецкого, а затем сочинение самого Суслова и Л.Я. Манько [Драматический театр; Екатерининский театр]. Судя по редким откликам в театральной периодике, «Тарас Бульба» ставился украинскими артистами в полном соответствии с традициями малороссийской сцены того времени с ее вниманием к музыкальной стороне представления – пению и танцам – и особым колоритом, при этом художественный уровень пьес был невысок, а актерское исполнение нередко воспринималось как любительское, «малоопытное» (см., например: [Хроника театра и искусства 1897: 473; Невское общество]). Так, по словам одного из критиков, смотревшего спектакль труппы

М.Л. Кропивницкого, «отлично» справился со своей ролью лишь создатель труппы, сыгравший заглавного героя, остальные же актеры «были довольно бесцветны» [Хроника театра и искусства 1897: 473]. Судя по воспоминаниям И.А. Марьяненко, Кропивницкий действительно создал один из наиболее ярких образов Тараса Бульбы. «Колоссальное впечатление» производил он в сцене под Дубно, передавая «тонкий психологический рисунок сложных переживаний Тараса», и в финале [Марьяненко: 73–74]. «Это были недостижимые вершины художественного мастерства, подлинной героики, отображенной живыми реалистическими красками», – пишет автор воспоминаний [Марьяненко: 74].

Завершая, еще раз отметим, что драматические переделки «Тараса Бульбы» пользовались популярностью на российской сцене конца XIX – начала XX в. Они часто исполнялись русскими и украинскими труппами, выступавшими в столицах и провинции, соответствуя мелодраматическому характеру их репертуара и обладая потенциалом зрелищности. С одной стороны, установками на зрелищность и мелодраматичность отчасти и объяснялся интерес к гоголевскому «Тарасу Бульбе» и, соответственно, появление его многочисленных инсценировок. С другой стороны, эти же установки влияли на сценические адаптации повести, по большей части довольно стереотипные. Такие спектакли, вероятно, привлекали широкую публику, но едва ли могли удовлетворить искушенного зрителя – положительных отзывов о них в театральной периодике очень мало.

Примечания

¹ Рапорт цензора см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 780. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

² См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 780. Оп. 1. Д. 29. Л. 137.

³ Рукопись с текстом пьесы К.Д. Ефимовича хранится в отделе редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 23240. Инв. № 54846. Тарас Бульба. Драма в четырех действиях, соч. К.Д. Ефимовича. На титульном листе есть надпись «Запрещается» от 16 апреля 1847 г., ниже которой графитным карандашом приписано: «В 1852 году позволена».

⁴ См.: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 45300. Инв. № 41095. Тарас Бульба. Драма в 3-х действиях. Сюжет заимствован из повести Н.В. Гоголя.

⁵ См. источник текста, указанный в примечании 3. Рукопись не имеет пагинации.

⁶ Судя по надписи на титульном листе рукописи, это заглавие появилось в 1885 г. по настоянию цензора. Авторским же является именно «Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке».

⁷ Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 24825. Инв. № 25674. Тарас Бульба, или Удалое козачество в XV веке – большое драматическое представление в 7-ми картинах. Составил А. Алексеев на тему Н.В. Гоголя.

⁸ На титульном листе рукописи это заглавие вычеркнуто, и немного выше вписано традиционное: «Тарас Бульба». См.: Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (СПбГТБ). Ф. «Драматическая цензура». Ед. хр. 25706. Инв. № 26287. Тарас Бульба. Драматическое обстановочное представление в двух действиях из жизни удалого казачества на Руси в XV веке с танцами, битвой, взрывом крепости и разрушением моста над рвом в разгаре кавалерийского боя. Переделал для сцены из соч. Гоголя «Тарас Бульба» А.Я. Алексеев.

⁹ Правка, по-видимому, была внесена цензорами в разное время: она сделана двумя видами чернил – оранжево-красными и синими. Причем последние сохранились и на титульном листе рукописи, где к штампу цензурного разрешения («Главным управлением по делам печати к представлению на народных театрах одобрено») от 8 апреля 1888 г. синими чернилами приписано: «с исключениями».

¹⁰ См. объявление и афишу: Обзорение театров. 1912. 28 ноября. № 1923. С. 2, 26.

¹¹ Об этом свидетельствуют объявления в журнале «Театр и искусство». См., например: Театр и искусство. 1913. 17 февраля. № 7. С. 149; Театр и искусство. 1913. 3 ноября. № 44. С. 876; Театр и искусство. 1914. 5 января. № 1. С. 1.

¹² Здесь и далее в абзаце в скобках указан год получения цензурного разрешения.

Список литературы

Источники

Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской // Обзорение театров. 1908. 20 января. № 313. С. 8.

Екатерининский театр Н.Г. Северского // Обзорение театров. 1908. 21 ноября. № 583. С. 20.

Невское общество народных развлечений // Театр и искусство. 1908. 3 августа. № 31. С. 528.

Петербургские заметки // Отечественные записки. 1853. Т. LXXXVI. Январь. Отд. VII. С. 57–58.

Псков (от нашего корреспондента) // Артист. 1891. Февраль. № 13. С. 212.

Русский театр в Петербурге // Пантеон. 1853. Т. VII, кн. 1. Январь. Отд. IV. Театральная летопись. С. 1–21.

Таврический сад // Театр и искусство. 1899. 2 мая. № 18. С. 342 [подпись: Н. У.].

Тамарин Н. Народный дом императора Николая II // Театр и искусство. 1912. 2 декабря. № 49. С. 960–961.

Театр в Орле (от нашего корреспондента) // Артист. 1890. Февраль. Кн. 6. С. 164–167 [подпись: А. С.].

Театр и музыка // Всемирная иллюстрация. 1888. 30 июля. Т. XL, № 5 (1019). С. 87.

Французский театр в Петербурге // Пантеон. 1853. Т. VII, кн. 1. Январь. Отд. IV. Театральная летопись. С. 22–30.

Хроника провинциальных театров // Артист. 1890. Декабрь. № 11, кн. 4. С. 211–223.

Хроника театра и искусства // Театр и искусство. 1897. 29 июня. № 26. С. 471–473.

Хроника театра и искусства // Театр и искусство. 1899. 21 февраля. № 8. С. 164–167.

Исследования

Виноградов И.А. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (из истории сценических интерпретаций) // Н.В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: сб. докл. Москва: Книжный дом «Университет», 2004. С. 260–271.

Гозенпуд А.А. Леош Яначек и русская культура. Ленинград: Сов. композитор, 1984. 198 с.

Гриц Т.С. М.С. Щепкин: Летопись жизни и творчества. Москва: Наука, 1966. 871 с.

Данилов В.В. К библиографии драматических переделок из Гоголя // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1911. № 2. С. 331–338.

Данилов С.С. Гоголь в инсценировках // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2. С. 423–471.

Дмитриев Ю.А. Гуляния и другие формы массовых зрелищ // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. Кн. 1: Зрелищные искусства. Музыка (1895–1907). Москва: Наука, 1968. С. 248–261.

История русского драматического театра: в 7 т. Т. 4: 1846–1861. Москва: Искусство, 1979. 431 с.

Лейферт А.В. Балаганы. Петроград: Издание Еженед. петроград. гос. акад. театров, 1922. 74 с.

Марьяненко И. Прошлое украинского театра: Воспоминания. Москва: Искусство, 1954. 251 с.

Русские народные гулянья / по рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева; в записи и обработке Е. Кузнецова. Москва; Ленинград: Искусство, 1948. 172 с.

Уварова Е.Д. Как развлекались в российских столицах. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. 278 с.

References

Danilov V.V. *K bibliografii dramaticheskikh pere-delok iz Gogolia* [To the bibliography of dramatic adaptations from Gogol]. *Russkii filologicheskii vestnik* [Rus-

sian Philological Bulletin]. Warsaw, Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1911, no. 2, pp. 331–338. (In Russ.)

Danilov S.S. *Gogol' v instsenirovkakh* [Gogol in dramatizations]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Materials and research]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 423–471. (In Russ.)

Dmitriev Iu.A. *Gulianiia i drugie formy massovykh zrelishch* [Folk festivals and other forms of mass spectacles]. *Russkaia khudozhestvennaia kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka. Kn. 1: Zrelishchnye iskusstva. Muzyka (1895–1907)* [Russian Artistic culture of the late 19th – early 20th century. Vol. 1: Performing arts. Music (1895–1907)]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 248–261. (In Russ.)

Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 t. T. 4 [The history of the Russian Drama theater: in 7 vols. Vol. 4: 1846–1861]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 431 p. (In Russ.)

Gozenpud A.A. *Leosh Ianachek i russkaia kul'tura* [Leos Janacek and Russian culture]. Leningrad, Sov. Kompozitor Publ., 1984, 198 p. (In Russ.)

Grits T.S. *M.S. Shchepkin: Letopis' zhizni i tvorchestva* [M.S. Shchepkin: Chronicle of life and work]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 871 p. (In Russ.)

Leifert A.V. *Balagany* [Funfair Booths]. Petrograd, Izdanie Ezhened. petrograd. gos. akad. Teatrov Publ., 1922, 74 p. (In Russ.)

Mar'ianenko I. *Proshloe ukrainskogo teatra: Vospominaniia* [The past of Ukrainian theatre: Memories]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, 251 p. (In Russ.)

Russkie narodnye gulian'ia [Russian folk festivals], po rasskazam A.Ia. Alekseeva-Iakovleva; v zapisi i obrabotke E. Kuznetsova. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1948, 172 p. (In Russ.)

Uvarova E.D. *Kak razvlekalis' v rossiiskikh stolitsakh* [How people had fun in Russian capitals]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2004, 278 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Povest' N.V. Gogolia «Taras Bul'ba» (iz istorii stsenicheskikh interpretatsii)* [N.V. Gogol's novella “Taras Bulba” (from the history of stage interpretations)]. *N.V. Gogol' i teatr: Tret'i Gogolevskie chteniia: sb. dokl.* [N.V. Gogol and the theatre: The Third Gogol readings: a collection of papers]. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet» Publ., 2004, pp. 260–271. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 30.08.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 30.08.2025; accepted for publication 03.09.2025.